

Пеон и цезура

Юнусова Аделия

18+

Аделия Тимуровна Юнусова

Пеон и цезура

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73574333

SelfPub; 2026

Аннотация

«Жизнь – суть поэзия, а смерть – сплошная проза».

Эти слова Бориса Рыжего стали эпитафией и ключом к циклу из семи

стихотворений – семи ступеней одной человеческой судьбы.

Рождение – с первой затяжкой воздуха и первым криком, который станет

потом стихами. Детство – где ангел является в бреду и обещает покой «за

чертой». Юность – где любовь оборачивается смертью, а нежность – гноем

и ржавым шприцем. Творчество – где лифт с Маяковским и Есениным

увозит в бессонницу, а запой становится синонимом стиха.

Зрелость – где

клятвы разбиваются о быт, а сын рисует на стенах те же строки, что и отец.

Старость – где больница, капельница и сон о лифте, который застрял между

этажами.

И Смерть поэта – где лифт становится последним пристанищем. Где звучат
голоса. Где на стене остаётся: «Я всех любил. Без дураков».
Это книга о том, как поэзия пробивается через прозу – через
кровь, водку,
измены, больницы, одиночество. И о том, что даже в лифте,
летащем вниз,
можно успеть дописать последнюю строку.

Аделия Юнусова

Пеон и цезура

Санкт-Петербург, 2026 г.

Жизнь – суть поэзия, а смерть – сплошная проза.

Предельно траурна братва у труповоза.

Пол-облака висит над головами.

Гроб вытаскивают – блеск – и восстановлен лоб, что в
офисе ему разбили арматурой.

Стою, взволнованный пеоном и цезурой!

Борис Рыжий, 1998 г.

I. Рождение

Я родился в больнице под утро в апреле*,

За окном яркий свет, тишина.

Внутри здания крики и стоны летели

До меня.

Внутри чрева – война.

Моя мать ненавидела эти минуты,
Они тикали, будто часы.
Шейка матки раскрылась – и в этой секунде
Я цеплялся за рёбра, за мышцы, за рвы.

Но сквозь пот, сквозь разрывы, сквозь красную мглу
Проступало тепло – её руки и пульс.
Я впервые услышал, как в этой войне
Кто-то шепчет: «Родись. Я молюсь».

Меня вытащил дядя в кровавых перчатках,
Появился я в семь сорок семь.
Пуповина пульсирует – и на схватках
Зажимом перекрыли мне дверь.

Плацента, как послесловие,
Выскользнула следом
– прощай, тепло.
Первый крик – мое многословие,
Что было Богом дано:

– Запихните обратно, зашейте плотнее,
Пока связь моя с матерью не порвалась.
Не успел – полупьяный отец взял за шею
И она от меня отреклась.

И когда пуповину разрезал хирург,
В этот миг, щелчок, в этот звук,
Кто-то в небе – не врач, не отец, не супруг —
Назвал имя моё – замкнулся круг.

Шкала Апгар: семь – восемь. Слизь на ресницах.
Первый вздох – и лёгкие, как два мешка,
Расправились.

Крик.

И в больничных глазницах
Зажглась, засветилась строка.

А потом – грудь, сосок, молозиво, вкус,
Первый такт, первый ритм и стих.
Я лежал и всасывал эту жизнь, эту грусть,
И не знал, что я среди них.

Даровали мне имя. Лежу на весах —
Три пятьсот, пятьдесят два – рост.
Цифры, которым в чужих голосах
Суждено обрести – «Христос».

Поэзия – начало жизни, а не её конец.
Собрались родственные души пить.
Укутать тельце в беленький венец.

И мне осталось только жить.

**Из стихотворения Б. Рыжего «Автопортрет»*

II. Детство

Мне шесть лет. Я реву. Я не хочу в садик.*
Предпочел бы я лучше друзей и весну.
Расцветает в апреле наш маленький градик.
Под порывами ветра иду и пою.

Но навстречу отец, опьяненный девяткой,
Разъяренный ловлю я удар.
Падаю.

В крови обмокаю перчатки,
И несу ему третий стакан.

Ждем мы маму вдвоем и сидим в тишине, —
Она потолок прогрызает.
Вдруг доносится шорох ключей в стене,
Через девять секунд добродетель вздыхает

От усталости.

Мама всегда устает.

Не хватает ей сил на объятия.

Но в тоске она твердо знать мне дает

Мировую любовь и принятие.

А когда поднялась температура под сорок,
И стены поплыли, как в синем огне,
Ко мне явился не доктор, не враг,
А кто-то в белом – он сказал в тишине:

«Там, за чертой, где не бьют и не пьют,
Где мама не плачет, а папа не злой,
Там все твои слёзы любовью сочтут,
Хочешь, пойдём? Там всегда есть покой».

А в школе, в классе втором, на уроке,
Я встал и прочёл стихи про весну.
Я старался, я верил, я видел сквозь строки
Ту самую детскую, чистую тьму.

А они засмеялись.

Учитель: «Садись».

И я сел.

Внутри что-то сломалось.

Стихи стали тем, что прячут, какмышь,

Чтобы снова не слышать: «Оставь эту шалость».

Мне семь.

Мне восемь.

Мне девять.

Бегу.

Я уже не реву

Я терплю, я молчу.

Я знаю, что мама устанет в плену,

А отец – он не злой, он просто ничью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.